
**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА,
СТАБИЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ) ***

Голиней В. А. **

В данной статье предпринимается попытка теоретического осмысления социально-политической преемственности, которая раскрывается через анализ таких понятий, как суверенитет, стабильность и нестабильность государства. В основе преемственности лежит комплекс положительного и негативного опыта развития стран, устоявшийся баланс сил и «правил игры» между обществом-правителем, обществом-элитой и элитой-правителем, а также нематериальное наследие в виде сформировавшихся традиций управления (бюрократии), ценностей и веры в верховную власть (сакрализация власти). Приводимый в исследовании латиноамериканский опыт позволяет увидеть примеры подобной преемственности.

Ключевые слова: суверенитет, государство, дестабилизация, патримониализм, каудильизм, Латинская Америка.

**THE THEORETICAL COMPREHENSION OF SOVEREIGNTY,
STABILITY AND SOCIO-POLITICAL CONTINUITY
(BY THE EXAMPLE OF LATIN AMERICA)**

This article attempts to provide a theoretical comprehension of the socio-political continuity through the analysis of such concepts as sovereignty, stability and instability of a state. Continuity represents a set of positive and negative experience in the course of countries' development, an established balance and rules between the matrix of relations (society vs ruler, elite vs society and elite vs ruler), as well as an intangible heritage in the form of established traditions of governance (bureaucracy), values and belief in the supreme authority (sacralization of power). The Latin American experience described in this study provides examples of such continuity.

Keywords: sovereignty, state, destabilization, patrimonialism, caudilism, Latin America.

* **Для цитирования:** Голиней В. А. Теоретическое осмысление суверенитета, стабильности и социально-политической преемственности (на примере Латинской Америки) // Век глобализации. 2024. № 4. С. 65–75. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.05.

For citation: Goliney V. A. The Theoretical Comprehension of Sovereignty, Stability and Socio-political Continuity (By the Example of Latin America) // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 4. Pp. 65–75. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.05 (in Russian).

** Голиней Владимир Андреевич – к. полит. н., с. н. с. Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН. E-mail: natli2009@yandex.ru.

Vladimir A. Goliney – Ph.D. in Politics, Senior researcher at Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (ILA RAS). E-mail: natli2009@yandex.ru.

Государственность и суверенитет

Обращение к концепту социально-политической преемственности возникло в процессе исследования различных факторов, которые влияют на государственность в странах Латинской Америки [Голиной 2023], а также связаны с бинарной темой стабильности и нестабильности государств или устойчивости и неустойчивости политических систем.

Вопрос государственности в данной статье рассматривается сугубо в контексте суверенитета, категории, которая берет свое начало в XVI в. в трудах Ж. Бодена [Bodin 1992; Beaulac 2003]¹ и затем подвергается постоянному переосмыслению. Например, в XX в. переосмысление происходило в рамках теоретического спора между Г. Хеллером, Г. Кельзенем и К. Шмиттом [Heller, Dyzenhaus 2019], в наше время – в дискурсе трансформации государства на международной арене из-за процессов глобализации [Гринин 2008; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2019]. В любом случае как бы мы ни трактовали понятие «суверенитет»: как «высшую политическую силу, которая соответствует независимому государству» [Sobereïnia]; как «способность страны контролировать свое собственное правительство» [Sovereignty]; как дихотомию внутренней независимой верховной власти над подданными на определенной территории и самостоятельной внешней власти, которая дает свободу от вмешательства других государств [Kurtulus 2005: 78–84]; или как феномен, характеризующий жизнеспособность любой страны в форме политической системы, суверенитет будет иметь отношение и к понятию «стабильность». Без стабильной и сильной власти, то есть органа центрального или местного управления, институтов (партии, парламент и разделенные ветви власти), государство может оказаться в состоянии хаоса (нестабильности), и тогда вакуум власти может заполняться другими акторами (например, криминальными структурами). Представляется, что по большей части именно из-за подобного вакуума в политический дискурс были введены такие понятия, как несостоявшееся государство (*failed state*) [Nay 2013] и «хрупкое», или нестабильное государство (*fragile state*) [Thrasher, Vallier 2015; Ciorgiari 2021]. Таким образом, вызовы государственности, раскрываемой через понятие суверенитета, приводят нас к необходимости рассмотреть факторы стабильности и нестабильности / устойчивости и неустойчивости для государства.

Нестабильность

Важно отметить, что данная пара (стабильность/нестабильность и устойчивость/неустойчивость) имеет тонкую грань в различии между собой. В проводимом исследовании не ставится задача по выявлению разницы этой бинарной темы, так как в основном в трудах отечественных и зарубежных ученых англоязычное *stability* может пониматься и как стабильность, и как устойчивость [Билюга 2018; Малков 2007]. То же самое касается *instability* (неустойчивости и нестабильности). Однако более явная разница в понятиях может раскрываться в самой антонимии: стабильность и нестабильность. Чаще всего исследователи обращаются к аспектам нестабильности, то есть к тем процессам, которые выводят политическую систему (государство) из состояния равновесия и приводят ее к деструкции. Наиболее распространенным примером являются цветные революции [Восканян, Бычкова 2020], которые хотя и вбирают в себя внутренние факторы

¹ «Суверенитет – это абсолютная и непрерывная власть» [Баязитова 2016: 87].

(например, протестные движения под лозунгом борьбы с коррупцией), по своим механизмам реализуются внешними силами. При этом ряд исследователей подчеркивает, что в результате цветной революции с минимальным использованием насильственных методов происходит так называемая демократизация авторитарных режимов и смена элит при сохранении основ государственности [Наумов, Демин 2022]. Напротив, более внутривосточными процессами, имеющими в том числе и насильственный характер, считаются гражданские конфликты (вплоть до гражданских войн), полицид [Goldstone *et al.* 2010], смена режимов (через обычные революции [Goldstone, Ritter 2019]). Накопившийся эмпирический материал подобных процессов позволил подойти к изучению феномена нестабильности государства с точки зрения количественных исследований путем создания специальных проектов и введения в оборот некоторых индексов (Табл.).

Таблица

Проекты и индексы нестабильности / стабильности государств

Название проекта/ индекса	Краткое содержание	Источник
The Polity Project	Рассматривается набор характеристик государств, в том числе с точки зрения стабильности	[The Polity...]
State Fragility Index	Посвящен эффективности и хрупкости мировой системы в эпоху глобализации	[INSCR...]
Database of Political Institutions	В базе представлены данные о результатах выборов, мерах сдержек и противовесов, сроках полномочий и стабильности правительства, а также фрагментации оппозиции и правительственных партий в законодательном органе	[Inter-American...]
Fragile States Index	Индекс позволяет выявить давление, с которым сталкиваются государства, и определить, когда это давление перевешивает способность страны управлять им, что способствует риску возникновения нестабильности	[Fragile...]
State Resilience Index	Определяет потенциал и возможности стран, находящихся в «стрессовой» ситуации. Устойчивость в данном индексе понимается как степень, в которой страна может подготовиться, справиться с кризисом и восстановиться после него	[State...]
Cross National Time Series	В базе содержатся данные об антиправительственных демонстрациях, убийствах, забастовках, крупных политических кризисах, революциях, массовых беспорядках, терроризме и др.	[Cross...]
Political Stability and Absence of Violence/ Terrorism	Индекс измеряет восприятие вероятности того, что правительство будет дестабилизировано или свергнуто неконституционными или насильственными методами	[Political...]
Worldwide Governance Indicators	В число показателей входит индекс политической стабильности и отсутствия насилия/терроризма	[Worldwide...]
Political stability index	Индекс отражает вероятность неупорядоченной передачи государственной власти, вооруженных конфликтов, демонстраций, социальных волнений, конфликтов	[Political Stability Index]

Аспекты стабильности

Другая сторона вопроса в подобных исследованиях – это стабильность, то есть поиск и изучение таких факторов, которые противодействуют нарушению нормального функционирования государства, «цементируют» его основу. В этом русле, например, можно рассматривать теорию справедливости Дж. Ролза. В ней автор определяет стабильность как концепцию справедливости в рамках либеральной политической модели и хорошо организованного общества. «Хорошо организованное общество – общество, которое обладает высокой степенью социального доверия и кооперативного поведения среди граждан (долговечность) при низкой краткосрочной изменчивости (сбалансированность) и также противостоит дестабилизации, вызванной несовместимыми с системой агентами (иммунитет)» [Vallier 2017: 233]. Концепция справедливости соотносится со стабильностью тем, что она упорядочивает общество с течением времени таким образом, что ее принципы служат взаимоприемлемой общественной основой для оправдания распределения выгод и бремени сотрудничества. Поэтому, с точки зрения Ролза, хорошо организованное общество в соответствии с концепцией справедливости будет стабильно справедливым [Rawls 1999: 119–125]. При этом, акцентируя внимание на консенсусе между властью и народом, Ролз также говорит и о легитимности власти в глазах народа как ключевом факторе, который сохраняет государственность сквозь время. «Легитимность означает, что закон может быть соблюден, и почему граждане готовы его соблюдать. Если граждане не верят, что у них есть причины соблюдать закон с их собственной точки зрения [то есть закон несправедлив], то социальный порядок может распасться» [Wenar 2021].

Развивая мысли Ролза о хорошо организованном обществе, его ученик П. Вайтман и американский исследователь политической философии Д. Клоско запустили даже спор о стабильности [Weithman 2010; Klosko 2015a; Weithman 2015c; Klosko 2015b]. Одной из центральных точек спора стало представление о «врожденной» (*inherent*) и «навязанной» (*imposed*) стабильности [Weithman 2015a; 2015b]. Врожденная стабильность, с их точек зрения, свойственна социально-политическим системам с развитыми демократическими институтами, которые ретранслируют устоявшиеся «правила игры». Навязанная же стабильность свойственна государствам с «ручным» управлением. Данная логика широко представлена в западной политической мысли разделением стран на демократические, авторитарные и располагающиеся между этими двумя крайностями режимы.

Вне зависимости от типа режима, опираясь на исследования врожденной и навязанной стабильности, можно увидеть, что сама по себе стабильность будет соотноситься с «социальным договором» между обществом (народом), властью поддерживающими (элитой) и правителем. Легитимность власти, которая обычно рассматривается в трудах ученых, будет соотноситься с убежденностью, уверенностью и верой населения, элиты и правителя в «правильном» пути развития, а также в правильном порядке, выстраиваемом в государстве [Вебер 2016: 95]. Таким образом, мы приходим к необходимости объяснения такого аспекта власти, как сакрализация. Фактор сакрализации власти неразрывно будет связан с историческим прошлым государства (культурный код), культурно-цивилизационным контекстом и социально-психологическим аспектом. Например, «принципы принятия решений, господствующие в обществе представления о “добре” и “зле”,

о нравственности, этичности тех или иных поступков» [Малков 2009: 42]. Идея о справедливости, поднятая Ролзом, также будет стоять в данном ряду. При этом у каждого государства будет свой исторический опыт выстраивания государственности, свой уникальный набор ценностей, их трактовка, содержание и вера в истинность этих ценностей.

Подобная логика рассуждений приводит нас к тому, что в вопросе стабильности/нестабильности государства недостаточно опираться лишь на социально-экономические показатели и рассматривать государство только как политическую систему. Государство должно рассматриваться также и с точки зрения культурно-цивилизационной системы – структуры, соединяющей в себе элементы, общие для всего человечества, например язык (как средство передачи информации), ценности (вообще как идеологемы), религию (как парадигмальную картину духовного мира), но проявляющейся со своей цивилизационной спецификой [Чумаков 2006: 411–440]. Из такого контекста можно предположить, что смещение внимания исследований государственности и стабильности в сторону культурного аспекта (культурного кода) может значительно расширить понимание влияния тех или иных факторов на устойчивость политических систем. Именно исходя из этого контекста мы предлагаем обратиться к идее социально-политической преемственности.

Социально-политическая преемственность

Подобную преемственность следует рассматривать не только с точки зрения правопреемства политической системы управления (легальность), но и с точки зрения наследия и непрерывности «правил игры», установленных в государстве между обществом-элитой, элитой-правителем и правителем-обществом, что позволяет говорить о разных видах политических систем и режимов управления, родившихся в результате специфичных для каждой системы устоявшихся традиций, этики, ценностей, веры, баланса социальных отношений. И если вопрос правопреемства относится к законным основаниям передачи власти, то наследие и непрерывность требуют некоторого комментария.

Обращение к наследию неслучайно, так как именно оно будет относить нас к культурному коду, который упоминался ранее. С одной стороны, мы будем иметь дело с материальным наследием, которое остается от предыдущих эпох и форм развития того или иного общества и наследуется текущим и грядущими поколениями. С другой стороны, есть нематериальное наследие, которое государство может передавать из поколения в поколение осознанно (при проведении специальной политики памяти) или неосознанно. К подобному неосознанному виду передачи наследия можно отнести «общие институциональные порядки и системы ценностей, которые считаются “унаследованными” от общей власти и обеспечиваются ею» [Шуין 2015: 38]. Поэтому, говоря о наследии, мы будем сталкиваться с идеей патримониализма, который подробно исследовал М. Вебер, рассматривая различные типы господства и подчинения одной группы людей воле правителя [Вебер 2016: 252–291], благодаря чему актуализируется сущность государственности с точки зрения нематериального наследия и общего достояния – традиции управления (господства и бюрократии).

Непрерывность же связана с сохранением «социального договора» между упомянутой матрицей отношений: общество – элита, элита – правитель / институты управления, правитель – общество. В тех обществах, где социальный договор будет соблюдаться между всеми сторонами и власть правителя или институтов управления будет сакральна, система будет воспроизводить себя и продолжать стабильно функционировать (происходит некоторая преемственность), в противном случае система сталкивается с рисками деструкции изнутри (чем могут воспользоваться также и внешние силы).

При этом социально-политическая преемственность также может сталкиваться с такими проблемами, как религиозно-этнические, идентитарные и идеологические противоречия, нерешенность которых также наследуется обществом и политической элитой (будь она сменяема или несменяема). Таким образом, представляется, что социально-политическая преемственность вбирает в себя комплекс не только положительного, но и негативного опыта развития государства, в том числе те болевые «точки», которые на протяжении нескольких поколений разъедают государство (например, преступность, коррупция), но в то же время становятся неотъемлемой частью повседневной жизни.

Латиноамериканский опыт

Латинская Америка может рассматриваться как яркий пример обозначенного теоретического комплекса социально-политической преемственности. Идея правопреемства (исп. *sucesión*), наследия (*patrimonio*, *herencia social*), непрерывности (*continuidad*) привели к устойчивому воспроизводству таких внутренних факторов стабильности и нестабильности стран региона, как каудильизм², клиентелизм³, высокий спрос на справедливость, неоднородность пространственного развития и др.

Каудильизм и клиентелизм считаются самыми укоренившимися факторами как стабильности, так и дестабилизации в регионе. Наличие руководителей авторитарного стиля управления и разного уровня влияния сохраняется в Латинской Америке до сих пор, несмотря на постепенное развитие демократических институтов и гражданского общества. Отчасти живучесть этого феномена объясняется потребностью и верой народа в сильную руку правителя, способного решать проблемы. В наши дни каудильо может быть представлен и в лице преступного мира, например наркоторговцев, которые устанавливают на подконтрольных территориях свои порядки, что в некоторых случаях иногда может способствовать стабильной и спокойной жизни граждан на этой территории. Период стабильности в этом случае длится до тех пор, пока между криминальными группами не начнется передел власти и не появится новый «вождь», становящийся гарантом новых правил. Постоянный же передел власти означает в глазах граждан слабую официальную власть, которая неспособна навести порядок в своей стране, поэтому в случае появления лидера, готового жесткими способами искоренить криминал, народ

² Каудильо – вождь, влиятельный политический деятель в партии, регионе, государстве [Каудильо].

³ Клиентелизм – модель политического структурирования общества, основанная на особом типе взаимоотношений лидера (патрона) с его последователями (клиентами) – преданными ему или зависимыми от него сторонниками [Клиентелизм].

готов идти за ним, несмотря на недемократические элементы управления. В качестве примера можно привести президента Сальвадора Н. Букеле, который, создав мегатюрму для представителей преступного мира, превратил свое государство в одно из самых спокойных в мире. Если за период 2010–2020 гг. в Сальвадоре в среднем в год в результате криминального насилия погибало 3903 человека и страна считалась самой опасной в регионе, то благодаря авторитарным мерам Букеле Сальвадор в 2023 г. стал самой безопасной страной в Латинской Америке с показателем 2,4 случая убийства на 100 тыс. человек [E1 2023...]. Недемократические меры привели к жесткой критике президента Сальвадора со стороны США и европейских государств (под лозунгом нарушения прав человека и демократии вследствие изменения Конституции Сальвадора для переизбрания Букеле на новый срок). Тем не менее решение извечной проблемы насилия было безрезультатным лозунгом других глав центральноамериканской страны в XXI в. Букеле же удалось справиться с проблемой, стать своеобразным «Отцом Отечества» и получить колоссальную поддержку населения (более 85 %) для избрания на второй срок. Более того, такие страны, как Аргентина, Гондурас, Перу и Эквадор, изъявили желание скопировать сальвадорскую модель борьбы с преступностью. Представляется, что данный пример олицетворяет отношения из матрицы «общество – правитель», где народ верит в своего правителя и сакрализирует его личностную власть больше, чем институциональную.

Иной фактор, сопровождающий Латинскую Америку сквозь времена, – высокий спрос на справедливость. Справедливость в данном регионе – это особая ценностная категория. Чаще всего она становилась главным атрибутом революционных и протестных движений в любой стране региона. На протяжении длительного времени справедливость была лозунгом латиноамериканских либеральных и социалистических сил одновременно, пока полностью не перешла в дискурс левого политического лагеря. Феномен «левого поворота», начавшийся в регионе в конце XX в., когда в основных странах к власти пришли левые политики (в Аргентине, Боливии, Бразилии, Венесуэле, Чили и др.), стал ярким примером спроса на справедливое перераспределение доходов населения, что должно было решить проблему бедности. Так с 2002 по 2014 г. странам региона удалось снизить уровень бедности с 229 млн человек (45,4 % населения всего региона) до 162 млн человек (27,8 % населения всего региона), а уровень крайней нищеты был сокращен за аналогичный период с 62 млн человек (12,2 %) до 46 млн человек (7,8 %) [CEPAL 2021]. Тем не менее «левый поворот» продлился примерно 15 лет, завершившись в 2013–2014 гг. обратной тенденцией – поворотом вправо, в результате начала торможения экономик государств региона и падения цен на основные товары экспорта. Последовавшие трудности в экономике стран и на международной арене, в свою очередь, не позволили правым политикам затмить своими «успехами» оппонентов из левого лагеря – в регионе вновь стал наблюдаться рост бедности и нищеты, что привело в 2020-е гг. к новой версии «левого поворота». Консолидация элит вокруг проектов, реализуемых левыми президентами – это пример отношений «элита – правитель». В тех странах, где правая оппозиция имела больше мест, чем левые силы, происходил клинч между исполнительной и законодательной властями, что тормозило принятие многих решений и нередко приводило к нестабильности. Элита, несогласная с путем развития, часто применяла инсти-

туциональные меры для прекращения полномочий «неудобных» президентов – обвинения в коррупции приводили к импичментам или добровольному / насильственному сложению полномочий в 11 странах около 25 раз региона за последние 30 лет, что, разумеется, не способствовало политической преемственности.

Другим примером обладают отношения «общество – элита». С течением времени при отсутствии решения социальных и экономических проблем лица элит, пусть и меняющие через выборы свои должности, но не уходящие с политической арены, перестают восприниматься народом как что-то, чему можно верить. В этом случае несменяемость элит, с одной стороны, может привести к потере преемственности поколений (начинает рассматриваться с точки зрения узурпации власти), а с другой – к поиску обществом иных, новых политических сил, не связанных со старыми элитами. Так к власти приходят такие одиозные фигуры, как президент Аргентины Х. Милей, который победил на выборах во многом из-за усталости народа от киршнеризма и извечной хроники экономического упадка страны. Выбор общества в пользу антиэлиты, а не самой элиты и контрэлиты – это попытка искоренения наследуемых десятилетиями проблем, но не факт, что подобные попытки приведут к желаемому, а не, наоборот, усугубят ситуацию и нарушат устойчивость страны.

В такой же плоскости наследования проблем можно рассматривать создание различных региональных интеграционных объединений, которые были призваны помочь странам сообща решать экономические проблемы и выступать единым фронтом на международной арене. Тем не менее начиная с середины XX в. ни одна из интеграционных организаций так и не смогла выработать модель стабильного развития для стран региона. Региональные объединения, например, в Центральной Америке – Организация центральноамериканских государств, Центральноамериканский общий рынок, Центральноамериканская интеграционная система – создавались на смену друг другу, не достигая поставленных задач. Подобная цепочка – создание интеграционного объединения, первичный успех, столкновение с трудностями, отказ от дальнейшей работы организации, создание новой организации, – хотя и подразумевала изменение моделей интеграции (с импортозамещения на экспортоориентированную или наоборот), в действительности сохраняла весь комплекс проблем. Наследуемость подобных проблем интеграции происходит в регионе до сих пор.

Заключение

Подводя итог исследованию, можно сказать, что для Латинской Америки подобное воспроизводство факторов на протяжении почти 200 лет позволяет говорить о существовании наложения старых моделей развития на новые, то есть некоторой социально-политической преемственности даже при смене политических режимов. Сама же идея обозначенной преемственности требует дальнейшей разработки, так как позволяет учитывать в вопросе стабильности развития государств культурный и ценностный аспекты.

Литература

Баязитова Г. И. Теория суверенитета Жана Бодена и рождение Республики Соединенных провинций // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2016. Т. 2. С. 84–95.

Билюга С. Э. Политическая стабильность: основные подходы к анализу устойчивости политических систем // Век глобализации. 2018. № 2(26). С. 46–56.

Вебер М. Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1. Социология. М. : Изд. дом ВШЭ, 2016.

Восканян Э. С., Бычкова Н. С. «Цветные революции» в современном мире: мнения исследователей // Россия и современный мир. 2020. № 1(106). С. 242–248.

Голиней В. А. Влияние внутренних и внешних факторов на государственность в Латинской Америке // Латинская Америка. 2023. № 9. С. 58–71.

Гринин Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. 2008. № 1. С. 86–98.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Современные глобальные тенденции и прогнозы на XXI столетие // История и современность. 2019. № 4(34). С. 3–35.

Каудильо [Электронный ресурс] : Политическая энциклопедия. URL: <https://politike.ru/termin/kaudilo.html> (дата обращения: 20.02.2024).

Клиентелизм [Электронный ресурс] : Политическая энциклопедия. URL: <https://politike.ru/termin/klientelizm.html> (дата обращения: 20.02.2024).

Малков С. Ю. Динамика политических систем: моделирование устойчивости и дестабилизации // Информационные войны. 2007. № 2. С. 11–20.

Малков С. Ю. Социальная самоорганизация и исторический процесс: Возможности математического моделирования. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

Наумов А. О., Демин Д. В. «Цветные революции»: отечественная историография проблемы // Вестник РГГУ. Сер.: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2022. № 1. С. 106–120.

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. М. : КАНОН+, 2006.

Beaulac S. The Social Power of Bodin's "Sovereignty" and International Law // Melbourne Journal of International Law. 2003. Vol. 4. No. 1. Pp. 1–28.

Bodin J. On Sovereignty. Cambridge : Cambridge University Press, 1992.

CEPAL. Panorama Social de América Latina, 2020 (LC/PUB.2021/2-P/Rev.1). Santiago, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cepal.org/sites/default/files/publication/files/46687/S2100150_es.pdf (дата обращения: 08.03.2024).

Ciorciari J. D. Sovereignty Sharing in Fragile States. Stanford : Stanford University Press, 2021.

Cross National Time Series [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cntsdata.com/> (дата обращения: 01.02.2024).

El 2023 fue el año más seguro en la historia del El Salvador. Policía del Salvador [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnc.gob.sv/el-2023-fue-el-ano-mas-seguro-en-la-historia-del-el-salvador/> (дата обращения: 28.02.2024).

Fragile States Index [Электронный ресурс]. URL: <https://fragilestatesindex.org/> (дата обращения: 01.02.2024).

Goldstone J. A., Bates R. H., Epstein D. L., Gurr T. R., Lustik M. B., Marshall M. G., Ulfelder J., Woodward M. A Global Model for Forecasting Political Instability // American Journal of Political Science. 2010. Vol. 54. No. 1. Pp. 190–208.

Goldstone J. A., Ritter D. P. *Revolution and Social Movements / The Wiley Blackwell Companion to Social Movements* / eds. by D. A. Snow *et al.* Second Edition. Hoboken: Wiley, 2019. Pp. 682–697.

Heller H., Dyzenhaus D. *Sovereignty: A Contribution to the Theory of Public and International Law*. Oxford : Oxford Academic, 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.berkeley.edu/wp-content/uploads/2019/01/Dyzenhaus_Intro_Politics-of-Sovereignty.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

Pyin M. *Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or Just a Buzzword?* // *Redescriptions*. 2015. Vol. 18. No. 1. Pp. 26–51.

INSCR Data Page [Электронный ресурс]. URL: <https://www.systemicpeace.org/inscr/data.html> (дата обращения: 01.02.2024).

Inter-American Development Bank [Электронный ресурс]. URL: https://mydata.iadb.org/Reform-Modernization-of-the-State/Database-of-Political-Institutions-2017/938i-s2bw/about_data (дата обращения: 02.02.2024).

Klosko G. *Rawls, Weithman, and the Stability of Liberal Democracy* // *Res Publica* 21. 2015a. Vol. 21. No. 3. Pp. 235–249.

Klosko G. *Stability: Political and Conception: A Response to Professor Weithman* // *Res Publica* 21. 2015b. Vol. 21. No. 3. Pp. 265–272.

Kurtulus E. *State Sovereignty: Concept, Phenomenon and Ramifications*. New York : Palgrave Macmillan, 2005.

Nay O. *Fragile and Failed States: Critical Perspectives on Conceptual Hybrids* // *International Political Science Review*. 2013. No. 34(3). Pp. 326–341.

Political Stability and Absence of Violence/Terrorism: Percentile Rank [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/PV.PER.RNK?end=2022&start=1996&view=map> (дата обращения: 02.02.2024).

Political Stability Index. URL: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/wb_political_stability/ (дата обращения: 02.02.2024).

Rawls J. *A Theory of Justice (Revised Edition)*. Harvard, MA: Harvard University Press, 1999.

Soberanía. Real Academia Española [Электронный ресурс]. URL: <https://dle.rae.es/soberan%C3%ADa> (дата обращения: 17.01.2024).

Sovereignty [Электронный ресурс] : Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/sovereignty> (дата обращения: 17.01.2024).

State Resilience Index. *Measuring Capacities and Capabilities in 154 Countries* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fundforpeace.org/SRI/about.html> (дата обращения: 01.02.2024).

The Polity Project [Электронный ресурс]. URL: <https://www.systemicpeace.org/polityproject.html> (дата обращения: 1.02.2024).

Thrasher J., Vallier K. *The Fragility of Consensus: Public Reason, Diversity, and Stability* // *The European Journal of Philosophy*. 2015. Vol. 23. No. 4. Pp. 933–954.

Vallier K. *Three Concepts of Political Stability: an Agent-Based Model* // *Social Philosophy and Policy*. 2017. Vol. 34. No. 1. Pp. 232–259.

Weithman P. *Why Political Liberalism? On John Rawls's Political Turn*. New York : Oxford University Press, 2010.

Weithman P. Inclusivism, Stability, and Assurance // Rawls and Religion / ed. by T. Bailey, V. Gentile. New York : Columbia University Press, 2015a. Pp. 75–96.

Weithman P. Relational Equality, Inherent Stability, and the Reach of Contractualism // Social Philosophy and Policy. 2015b. Vol. 31. No. 2. Pp. 92–113.

Weithman P. Reply to Professor Klosko // Res Publica. 2015c. Vol. 21. No. 3. Pp. 251–64.

Wenar L. John Rawls. The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E. N. Zalta. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/rawls/#StaOveCon> (дата обращения: 09.02.2024).

Worldwide Governance Indicators. A Global Compilation of Data capturing Household, Business, and Citizen Perceptions of the Quality of Governance in More than 200 Economies [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators/interactive-data-access> (дата обращения: 01.02. 2024).